

дежь. В походе ли, у костра или в бою, он всегда держался ближе к малоопытным бойцам, учил их, наставлял, давал советы.

Но не только за это уважали дядю Колю. Никто не умел так, как он, развеселить партизан в грустные минуты. Там, где был дядя Коля, всегда слышались смех, шутки.

Душевный человек был дядя Коля.

Мало кто из партизан знал его фамилию. Дядя Коля — и все. О себе он рассказывал часто, но все это были разные шутейные истории, причем всегда вымышенные. Поэтому о его прошлой жизни партизаны знали мало.

А жизнь Николая Спаи была трудной и интересной. Родился он в деревне Лаки, близ Бахчисарайя. Детство и юность прошли в бедности, не было достатка и тогда, когда Спаи обзавелся хозяйством. Работал он много, но, как говорили, «был очень прост». И кому только не помогал Николай Спаи: родственникам, знакомым, соседям, всем, кто нуждался.

На высокого, сильного, статного парня с красивыми усами многие девушки заглядывались. Но женился он на бедной вдове с двумя детьми, и малыши видели от него ласки больше, чем от родной матери. Сам Николай Спиридовович был человеком малограмотным, но сделал все возможное, чтобы дети получили образование. Дочь Анастасия стала врачом, сын Иван — механиком.

Перед тем как уйти в лес, Николай Спиридович работал в Бахчисарае грузчиком. Среди своих товарищих по труду он был самым сильным. Рассказывали, что однажды, спорив, он взял под мышки два шестипудовых мешка с пшеницей и внес их по трапу на второй этаж склада. В другой раз, желая подшутить над возчиком, он уцепился за бричку, и пара лошадей не могла сдвинуть ее с места. Возница, не понимая, в чем дело, ударил лошадей кнутом, те рванули и... оставили заднюю ось в руках Спаи.

Этим рассказам партизаны верили, так как знали, что дядя Коля обладал большой физической силой.

Была у дяди Коли баражковая шапка, которой он гордился и очень дорожил. Всем было известно, что тому, кто поборет дядю Колю, он отдаст эту шапку. Желающих получить ее оказалось много, но шапка все время красовалась на голове Спаи. Побороть дядю Колю никто

Н. С. Спай
(дядя Коля).

Тома Апостолов
(«туариш Тома»).

не мог. Если находился желающий померяться силами, Спай бросал шапку на землю и говорил:

— Смотри сюда. Ты сейчас на ней будешь лежать, — и клал своего противника на обе лопатки на шапку.

Впоследствии, когда наш отряд разросся до размеров бригады, претендентов на шапку Спай появилось еще больше. Но по-прежнему никто не мог побороть дядю Колю.

И еще одна характерная черта была у дяди Коли. Он был чрезвычайно ревнив к успехам других. Если в соседнем отряде взяли «языка», а нам этого сделать не удалось, он переживал больше всех. Он был готов день и ночь ходить на задания, чтобы увеличить боевой счет отряда.

На задания он ходил всегда с молодыми партизанами, учил их на личном примере. Помню рассказ наших пареньков Павла Кучеренко и Вани Казакова, которые вели с дядей Колей разведку наблюдением. Им было приказано замаскироваться невдалеке от села и, ни в коем случае не обнаруживая себя, наблюдать за передвижением противника по дороге в течение суток. Всю ночь и день разведчики просидели в глубокой канаве.

Считали, сколько подвод прошло по дороге, сколько солдат, сколько полицаев. Увидели, как в деревню прошла танкетка, за ней батарея минометов. Подошли сумерки. Еще час, и можно было уходить в лес — задание выполнено. И вдруг на дороге показалась одинокая фигура. Солдат шел безбоязненно, так как рядом было село, и нес большой мешок. В мешке должны быть продукты, подумали партизаны. Надо сказать, что жили мы в то время впроголодь, а у наших разведчиков, просидевших в канаве сутки, и совсем подвело животы. Павел Кучеренко молча поднял винтовку.

— Стрелять нельзя, — шепнул дядя Коля, — приказ — ни в коем случае не обнаруживать себя.

— Мы же выполнили задание! Теперь раз стрельнуть можно, никто не услышит.

— Приказ не стрелять.

Враг, которого можно было легко уничтожить, проходил мимо и, что еще обиднее, уносил мешок с продуктами.

Тут дядя Коля легко выпрыгнул из канавы и неслышными шагами двинулся за немцем. Догнав его, Спани своим огромным кулаком ударил врага по голове. Немец без звука свалился на дорогу. Взяв мешок, дядя Коля сказал:

— Видал, как надо?

— Он очнется, подымет шум.

— Очнется не скоро. Ударил на совесть.

По дороге к отряду Кучеренко уговаривал дядю Колю попробовать трофейных продуктов.

— Будь, Павлик, выдержаным. Знаешь приказ — все продукты в общий котел. Крошку тронуть не имеем права.

И не тронули.

Спани понимал шутку и сам умел смешить людей. Как-то зашел разговор о его брате Иване. Чусси сказал дяде Коле:

— Признайся, что Иван был здоровый хвастун.

— Хвастун, — подтвердил дядя Коля.

— Я ведь знаю, как бедно вы жили до колхоза. А он всегда хвастал, что у него полные амбары зерна, полные погреба солений и мяса, много денег. Ведь врал?

— Конечно, врал, — согласился Спани и, вызвав взрыв смеха, добавил: — Полные амбары и погреба были не у него, а у меня!

Человеку, встретившему дядю Колю впервые, казалось, что он шутник, весельчик — и только. Но стоило познакомиться с ним ближе, как обнаруживался его большой ум. Были факты и события, значение которых дядя Коля понимал и оценивал раньше других. Взять хотя бы его отношение к Томе.

Однажды дядя Коля был послан в Лаки...

Здесь мне хочется рассказать немного о деревне Лаки. Можно заявить без преувеличения: жителям этого селения наш отряд был обязан своим существованием. Кто знает, как сложилась бы наша судьба в страшную зиму 1941/1942 года, если бы не помочь этих честных советских людей. Когда отряду стало особенно трудно, когда партизаны стали пухнуть с голоду, когда в зимнюю стужу нам негде было обогреться и мы замерзали в нашей изношенной одежонке, жители Лак первые оказали нам помощь. Деревень вблизи нашего отряда было немало, но в каждом селении находилось несколько предателей, которые держали в страхе жителей. Стоило честному человеку приютить партизана хоть на минуту — сразу донос и расстрел. Мы не хотели подводить под смерть тех, кто относился к партизанам сочувственно, и не ходили в эти деревни.

А в Лаках была совсем другая обстановка. Здесь жил председатель колхоза Владимир Лели. Его авторитет среди колхозников был огромен. Так осталось и после прихода врага. Все, что скажет Лели, было законом для жителей деревни. Дядя Коля, как житель Лак, однажды зашел домой. Здесь встретился с Лели, и тот предложил свою помощь. С того времени партизаны наведывались в Лаки чуть не каждую ночь. То мешок картошки, то несколько буханок хлеба и табак приносили они в отряд.

Сначала наших людей принимали в двух-трех домах, потом число таких хозяйств стало увеличиваться. А в пору самых сильных холодов мы посыпали в Лаки по половине отряда. И как нас принимали! Мы приходили ночью (зимой ночь наступает рано) и расходились по 4—5 человек в каждый дом. Раздевались, приводили себя в порядок, садились за стол. Нас кормили, поили горячим чаем (нет ничего прекраснее в такие моменты, как горячий чай!) и укладывали в хозяйские постели. Сами хозяева не спали до утра. Мужчины всю ночь сторожили дома, охраняли наш покой, а женщины стирали наше белье, чинили одежду. Наутро отдохнувшие, обогретые, сытые,

мы снова уходили в лес. И каждый нес сверток: там чистая рубаха с мужинного плеча, сухие портняки, шарф, продукты.

Вот какие люди жили в Лаках!

Итак, однажды дядя Коля в группе моего заместителя по разведке Михаила Самойленко пошел в Лаки, чтобы взять «языка». В то время нам срочно нужны были данные о противнике — мы готовили связного на Севастополь. Как обычно, в первую очередь зашли к Лели.

— Нам, Володя, нужен «язык». Немцы в Лаках есть?

— Нет. Есть румыны, — ответил Владимир Лели. — Один особенно годится для «языка». Бывал в Балаклаве, Симферополе, Евпатории. Много знает. Только, Миша, будь другом, в Лаках его не бери. Сам знаешь, почему.

Миша, конечно, это знал, но нельзя же ждать, когда солдат, покинет Лаки.

Как быть? Выручил, дядя Коля. Он сказал:

— А чего ждать? Его надо вывести из деревни. Пусть Лели скажет, что керменчикские татары задержали две подводы с дровами, и попросит у румына помощи. Они пойдут вместе в Керменчик, а мы тут как тут...

Так и решили. Договорились о месте, где разведчики будут ждать Лели и румына, и разошлись.

Под вечер Самойленко, дядя Коля и еще два партизана — Василенко и Шаров засели около Керменчика. Долго никто не появлялся. Начала портиться погода. Днем шел дождь, а к ночи ударили мороз, мокрая одежда партизан превратилась в ледяной лубок. Сидеть в засаде в такую пору, ох, как тяжело...

Но вот на дороге показались два человека. В одном Самойленко признал Лели, в другом солдата. Взглядом разведчика Самойленко определил: такого взять будет легко. Худощавый, выше среднего роста, солдат шел по-ходкой усталого, замученного человека. Он был одет в рыжую куртку с нарукавной повязкой. На плече висел карабин с широким кожаным ремнем. Солдат шел рядом с Лели и что-то негромко говорил. Самойленко пропустил их и тихо пошел следом.

«На каком языке они изъясняются?» — подумал Самойленко, прислушиваясь. Румын неплохо говорил по-гречески, а этим языком прекрасно владел Лели, потому их беседа шла гладко.

Навстречу спутникам из кустов вышел дядя Коля. Солдат, видимо, ничего не заподозрил — дядя Коля был без оружия. Когда же вышедший из кустов заговорил с Лели, как старый знакомый, румын совсем успокоился. Пошли рядом. Между тем, Самойленко следовал сзади и выбирал удобный момент, чтобы обезоружить солдата. Но его выдала обледенелая плащ-палатка: она зашуршила, солдат обернулся и, увидев вооруженного человека, взялся за оружие.

Дядя Коля цепко ухватил своей большой рукой его карабин и строго произнес:

— Не троны! Это свой.

— Чай — свой?! — крикнул солдат.

— Ну, наш — партизанский. Давай сюда карабин.

Самойленко для вида обругал Лели и прогнал его обратно в Лаки. Обезоруженного и перепуганного солдата повели в сторону леса. По пути захватили два мешка картошки, приготовленной для партизан по заданию Лели.

Путь до штаба отряда предстоял долгий — около сорока километров. Разведчики решили сделать на лесной поляне привал, сварить картошки и подкрепиться. Пока варили еду, дядя Коля не отходил от пленного. Они оживленно разговаривали. Потом Спап подошел к Самойленко и спросил:

— Ну, допросят его в штабе, узнают, что надо, а потом?

— Потом — командир решит, — ответил Самойленко.

— По-моему, его надо оставить в отряде. Парень хочет против немцев воевать. Я показал ему листовку на румынском языке. Он прочитал, обрадовался: немцы от них правду скрывают.

— И ты ему поверил? Если его в отряде оставить — надо к нему двух часовых, а то убежит и выдаст нас со всеми потрохами...

— Если бы фашист... Он, по его словам, недоволен немцами.

— То по словам. А на деле убежит. С чего это ты, дядя Коля, стал такой добрый? Врага жалко?

— Ты пойми, Михаил Федорович, как может получиться: союзник гитлеровцев сражается против них! И у кого? У партизан! Об этом скоро везде будет известно, листовку можно будет написать. И поверь моему слову — пойдут к нам румыны сдаваться. Сам знаешь, какие

у них отношения с немцами. Ты, Миша, коммунист, пойми, что тут не жалость, а большое дело...

— Если бы в душу к нему заглянуть, — вздохнув, ответил Самойленко, — а на слово верить опасно...

— Давай я возьму его на свою ответственность. Рискну! Нам в отряде такой человек вот как нужен.

— Хорошо, поговорю с командиром.

Докладывая мне об этом, Самойленко признался, что идея дяди Коли пришла ему по душе и он всю дорогу «прошупывал» пленного. А дорога была длинная и трудная.

Когда картошка сварилась, Самойленко позвал солдата:

— Садись картошку есть.

Дядя Коля перевел приглашение и, выслушав ответ пленного, объяснил:

— Не хочет садиться.

— Почему? — удивился Самойленко.

— Домнуле офицер... Тома — солдат... — проговорил румын, поняв вопрос.

— Домнуле — по-румынски господин, — сказал дядя Коля. — Говорит, что солдату с господином офицером есть не положено.

— Я не домнуле. Я — товарищ командир, — произнес Самойленко и рассмеялся.

— Туариш... Это есть хорош... Тома хочет туариш.

— Садись, туариш Тома, — серьезным тоном сказал Самойленко.

Во время еды разведчики узнали, что Тома работал до призыва в армию парикмахером, оставил в Румынии семью, воюет против русских по принуждению, фашистов недолюбливает.

Дядя Коля, не вытерпев, спросил:

— А ежели оружие дадим, против фрицев воевать будешь?

Тома посмотрел на дядю Колю, потом на Самойленко и пожал плечами.

— Обстоятельный мужик, — произнес дядя Коля, — другой бы сразу согласился. Этот понимает — вряд ли доверят...

Группа двинулась дальше. Шли цепочкой: Самойленко впереди, за ним Тома, дядя Коля и двое разведчиков с мешками картошки на плечах. Ветер усилился, мороз стал злее. Тома окончательно замерз. Короткая куртка и

берет совсем не грели его, и он, отвечая дяде Коля, так стучал зубами, что невозможно было понять ни одного слова.

— Михаил Федорович! «Язык» замерзает! — крикнул дядя Коля.

Самойленко оглянулся, увидел посиневшее лицо Томы и, сняв плащ-палатку, передал ее пленному. Но и плащ-палатка не помогла: Тому била дрожь. Тогда дядя Коля остановился, взял у разведчика мешок картошки и положил его на спину Томы.

— Это тебе вместо кожуха. Здорово согреет!

И верно: Тома скоро «оттаял». Потом дядя Коля снял со своего плеча карабин Томы и повесил оружие ему на шею, а в свободную руку сунул ремень с подсумками, в которых лежали патроны.

Пленный улыбнулся: понял, что ему верят.

Разведчики достигли Качи. Наступил самый трудный момент пути — переправа. Летом Кача мелкая и тихая. Зимой — полноводная, бурливая, даже на самом мелком месте — по пояс. Разведчики стали раздеваться. Тома глядел на них с ужасом. Но и ему приказали раздеться. Вошли в реку. Ледяная вода обожгла кожу, захватило дыхание...

Первым на берег вышел Самойленко. Он сел и полами шинели начал растирать посиневшие ноги. В этом было спасенье: нужно было докрасна растереть кожу, разогнать кровь, чтобы избежать ревматизма или жесткой простуды. То же самое делали дядя Коля и разведчики. Для них форсирование зимних речек был делом привычным. А Тома растерялся: ледяная вода, морозный воздух сковали его. Он пытался ладонями растирать свои ноги, но руки не слушались. Потом махнул рукой (э, все равно погибать!) и начал обуваться. Самойленко, отогревшись в этому времени, подошел к Томе, и обернув полой шинели его ноги, сильными энергичными движениями стал растирать. Тогда Тома, собрав весь запас русских слов, горячо сказал:

— Гитлер... как это по-русски... Сволош... говори! «Партизан — зверь!» Гитлер... — и он матерно выругался.

— Истинная правда! — поддержал его дядя Коля. — Капут Гитлеру и Антонеске. А мы, партизаны, жили и жить будем!

Поздно вечером разведчики вернулись в лагерь. По-

думав, мы решили оставить Тому в отряде, поручив дяде Коле надзор за ним.

На допросе Тома подробно рассказал все, что знал. А знал он много. О расположении частей и гарнизонов в районах Бахчисарая, Симферополя и Балаклавы он рассказал довольно точно.

Для Николая Спай начались беспокойные дни. Тому зачислили в число партизан, вручили ему оружие. Первые дни дядя Коля не спускал с него глаз, все время разговаривал с Томой, рассказывал о советской власти, учил партизанской жизни. Через три или четыре дня он пришел ко мне и сказал:

— Дьявол его знает — думает он удрать или нет? Надо рискнуть — послать его одного на задание.

Скоро возможность «рискнуть» представилась. Наши партизаны в пяти километрах от лагеря убили оленя и просили двух человек на помощь, чтобы принести мясо в отряд. Решили послать Тому и еще одного партизана. При этом дядя Коля просил, чтобы обратно Тому направили одного.

Прошло несколько часов. Спай нервничал: «Придет или не придет?» Возвратились все партизаны, а Томы не было. По лагерю разнесся слух: «Тома удрал!» Это очень обеспокоило меня. Я приказал послать несколько групп для поимки беглеца. Дядя Коля твердил одно: «Заблудился». И оказалось, что он был прав. Уже был дан приказ группам пойти в погоню, как явился измученный, злой Тома. Сбросив мясо с плеч, он стукнул себя по лбу и сказал:

— Пустой котел. Не вспоминаль, какой дорога шел. Иду назад — туда дорожка, сюда дорожка. Куда идти? — Подойдя к обрадовавшемуся дяде Коле, он тихо сказал: — Я не удираль.

С того времени мы стали доверять Томе, и он ходил на боевые задания наравне со всеми.

Скоро предсказание Николая Спай оправдалось: в нашем отряде появилось еще пять румынских солдат, сдавшихся в плен. Они рассказали, что слух о румынских партизанах разнесся по всем близким гарнизонам, что немало румынских солдат хотели бы воевать против немцев, но не знают, как попасть в отряд.

— Пусть идут в лес. Мы их тут сами найдем, — сказал дядя Коля.

Однажды наш Тома едва не погиб. Дело было так. Он

отпросился пойти на речку помыть белье. Я его отпустил. До речки было далковато, но время было тихое, и Тома пошел один. Стирая, он не заметил двух партизан из соседнего отряда, шедших к нам на связь. Те, увидев румынского солдата с оружием, сразу взяли автоматы на изготовку. Сухо щелкнули затворы. Тома поднял голову и замер. Еще миг — и они изрешетят его. Если закричать «Я свой!» — не поверят. И тогда Тома что есть силы завопил:

— Туариш Маке-едо-он-ский, сюда-а!

Позднее связные говорили, что если бы Тома не крикнул фамилию командира отряда, они бы выстрелили.

Дружба дяди Коли с «туарищем Томой» крепла день ото дня. Они вместе ходили на задания и делали много полезного для отряда. Особенно запомнился один случай.

Наши продовольственные запасы иссякли. И хотя в отряде не было еще ни одного случая голодной смерти, жилось нам тяжело. Дневной рацион состоял из одной лепешки, маленького кусочка конины и кипятка. Нужно было срочно пополнить оскудевшие запасы.

Разведка донесла, что на мельнице, расположенной на реке Кача, накопилось много муки. Но склад круглосуточно охраняется. В селе был расквартирован батальон румынской горно-стрелковой дивизии. Рядом проходила дорога на Коуш, по которой непрерывно двигались войска, обозы, комендантские патрули. Вот почему захватить мельницу в открытом бою не представлялось возможным.

Тогда мы решили пойти на хитрость. Идею операции подсказал тот же дядя Коля.

— Не использовать ли нам румын для захвата мельницы? — сказал он однажды.

Мысль понравилась. Переговорил с Томой — он согласился. Подробно разработали план своей операции и в сумерки выступили на ее выполнение.

«Румынское» подразделение с Томой во главе направили через село прямо к мельнице. С группой Томы пошел хорошо знавший эти места Суполкин, а я с заградительным отрядом двинулся в обход, со стороны огибающего мельницу соснового бора.

Когда в небе зажглись первые звезды, «румынский отряд» вошел в село. Впереди лихо топал «фельдфебель» Тома. За ним следовали дядя Коля, Суполкин, пятеро румын и еще около сорока переодетых во вражескую форму

партизан. Патрульные, ничего не подозревая, пропустили это «подразделение» почти к самой мельнице. Но тут произошла заминка.

— Кто идет? — окликнули из темноты.

— Свои, на мельницу, — как ни в чем не бывало по-румынски ответил Тома.

— Стой! Сейчас вызову начальника караула.

Остановились.

— Если спросит пароль, лупи его прикладом по голове, — шепотом перевел дядя Коля распоряжение Суполкина.

— Есть! — так же тихо ответил по-русски Тома. — Понятно...

Со стороны мельницы двигались трое. Лиц не видно, молчат, лишь шипят моторчики карманных фонариков.

— Куда и откуда? — спросил старший.

— Из Высокого, за мукой, — ответил Тома и выстрелил из карабина.

Дальнейшее произошло быстро. Уничтожив часовых, «румыны» бросились к мельнице. Дядя Коля, долгие годы работавший грузчиком, быстро организовал разгрузку складов. По людскому конвейеру, с рук на руки на другой берег поплыли мешки с мукой.

Всего два часа продолжалась эта операция, но она спасла от голодной смерти сотни людей. На следующий день мука была поровну поделена между всеми отрядами.

Тому мы решили за эту операцию премировать. Если всем партизанам перед завтраком, обедом и ужином выдавали по две столовые ложки муки, то он получал по три ложки. Его товарищи — румыны сочли это несправедливым и хотели идти к комиссару с жалобой. Но Тома им авторитетно сказал:

— Давно ли вы пришли в отряд? А я — старый партизан!

— Верно, Тома, — поддержал его дядя Коля.

На самом деле «старый партизан» прибыл в отряд всего на десять дней раньше, чем его земляки.

Вспоминая теперь о дружбе дяди Коли и Томы, я вижу ее глубокий смысл. Клика Антонеску втянула Румынию в преступную войну против советского народа. Но простые люди не хотели нам зла и, попадая к нам в плен, становились нашими друзьями. Мало того, они включались в борьбу против своих же «союзников» — фашистов.